

ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ УСТРОЙСТВЕ НАСЕЛЕНИЯ НЕВОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2012 Р.Д. Голдина

Удмуртский государственный университет, г.Ижевск

Поступила в редакцию 28.04.2012

В работе рассматриваются проблемы общественного строя у финно-угров Приуралья (неволинская культура конца IV – начала IX в.). Успехи производящего хозяйства, высокая плотность населения способствовали созданию значительного прибавочного продукта. Этому содействовал высокий уровень металлообрабатывающего ремесла. Возникла особая группа торговцев, поставляющих продукцию на дальние расстояния – в Фенноскандию. В Прикамье систематически поступал импорт из Средней Азии, Византии, Сасанидского Ирана. Зафиксирован институт вождизма, хозяйственное обособление малой моногамной семьи.

Ключевые слова: общественный строй, финно-угры Приуралья, раннее средневековье, торговые связи, социальная стратификация, вождизм, малая семья.

Неволинская культура в конце IV – начале IX в. занимала довольно значительную площадь – около 15 тыс. кв. м (это примерно половина современной Бельгии) в бассейне р.Сылвы, одного из крупных левых притоков р.Камы. На обозначенной территории известно более 270 памятников, из которых около 200 селищ и около 50 городищ. Эти цифры свидетельствуют о высокой плотности населения и достижении некоего демографического оптимума, нуждающегося в интенсивных контактах, обмене опытом и развитии структур управления населением.

Несмотря на несомненные успехи в области средневековой финно-угорской археологии, исследование проблем устройства общества этого времени пока еще не может выйти из области гипотез и предположений. На современном уровне знаний средневековое население Прикамья в целом представляется как общество, в котором кровнородственные отношения уже уступили место соседским. Существование с глубокой древности долговременных поселений, тяготеющих к поймам рек, богатых как плодородными почвами, так и прекрасными кормовыми угодьями, длительная история производящего хозяйства (достоверно с эпохи бронзы), освоение пашенного земледелия (середина I тыс. н.э.), появление рал с железными наконечниками – все эти обстоятельства указывают, что земледелие стало одной из ведущих отраслей хозяйства.

К эпохе средневековья населением Прикамья было найдено оптимальное соотношение домашних и диких животных, обеспечивающее коллектив необходимым количеством мяса, жира, шкур, поделочного материала, пушнины. В V–IX вв. в Прикамье сложился тип хозяйства, при котором

земледелие гармонично сочеталось с животноводством и охотой. Успехи производящих отраслей экономики и охоты убедительно свидетельствуют о появлении в обществе немалого прибавочного продукта. Он составил необходимую базу для расширенного воспроизводства. Прибавочный продукт стал предметом обмена на ремесленные и другие изделия, а это, в свою очередь, способствовало развитию ремесла и торговли.

Изменения в социально-экономической жизни неволинских племен проявились в особенностях размещения поселений. На раннем этапе число поселений невелико. В условиях стабилизации обстановки и расширения производящего хозяйства, примерно в VI–VII вв., началось широкое расселение жителей на неукрепленные поселки, число которых увеличивалось и далее. Появляются целые гнезда селищ – небольших по площади, близко расположенных поселений близ городища (Бартымская группа селищ; Верх-Саинская и другие). Массовое переселение в середине I тыс. н.э. с укрепленных поселений на открытые селища отмечено и для населения лесной полосы Восточной Европы.

Одним из важных показателей состояния экономики является уровень развития ремесла. Во второй половине I тыс. н.э. отчетливо просматривается качественно новое явление в социально-экономической жизни пермлян Приуралья – возникновение специализированных поселений. Обособление производственных центров, несомненно, свидетельствует о том, что мастера – металлурги и кузнецы – уже выделились из общины и продукция ремесла была основным источником их существования. Именно в этом и заключается начало процесса, который в конечном итоге привел к сосредоточению ремесленного производства в городах, формированию экономических центров раннеклассовых обществ,

Голдина Римма Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии и истории первобытного общества. E-mail: arch@uni.udm.ru

многие из которых в дальнейшем стали центрами культурной и политической жизни. На территории ремесленных поселений продукция производилась в таких объемах и масштабах, что могла удовлетворять потребности в этих изделиях не только своей округи, но и соседей.

Одним из таких ремесленных центров является Опутятское городище, расположенное в Добрянском районе Пермского края¹. Площадь памятника, исключая укрепления, – 18 тыс. кв.м. Обращает на себя внимание мощная система обороны, состоявшая из шести рядов валов и рвов. Эти уникальные для Прикамья фортификационные сооружения подчеркивали особый характер памятника. Северная часть его площади была занята мастерскими по добыче железа и изготовлению различных бытовых предметов из металлов. На южной стороне располагались жилые и хозяйственные постройки ремесленников. Мастерские-кузницы представляли собой навесы, под которыми находились наковальни, ямы с водой, углем, рудой, дрова, заготовки известняка, скопления глины. По данным В.Ф. Генинга, рабочий объем домниц Опутятского городища достигал 0,3-0,45 куб. м. За одну варку в домнице можно было получить до 4-5 кг железа. Каждая домница использовалась многократно. Опутятское городище было крупным центром по производству железа, в котором работало несколько мастеров.

Поскольку общественный продукт, получаемый ремесленниками с округи за свои изделия, как и сама продукция, а также мастера представляли огромную ценность и могли легко отчуждаться, то понятно, что почти все крупные ремесленные центры были спрятаны за трудно преодолимыми оборонительными системами (Еманаевское, Опутятское и др.).

Продукция ремесленных центров пользовалась спросом прежде всего у населения близлежащей округи. Часть изделий выполнялась небольшими партиями на заказ для конкретного потребителя. Например, на городище Лобач в Кишертском районе Пермского края найдена связка из 5 железных наконечников дротиков, помеченных клеймом мастера. Значительное число наиболее ярких изделий местных мастеров, превратившихся в престижные ценности, расходилось не только среди окрестных жителей, но и довольно далеко от центра изготовления. Археологические материалы свидетельствуют о распространении пермских изделий далеко на запад и в меньшей степени – на восток. Бесспорным материальным свидетельством этих контактов в эпоху средневековья являются находки поясов неволинского типа.

В могилах неволинской культуры такие пояса обнаружены более чем в 30 захоронениях².

Судя по многочисленности поясов, разнообразию их вариантов, находкам полных экземпляров, эти предметы изготовлялись именно здесь, в Сылвенском поречье. Такие пояса есть и на соседних территориях. Довольно много их (более 15) в родственной неволинской культуре – ломоватовской, расположенной в Верхнем Прикамье. Детали подобных поясов хорошо известны и на памятниках полумской культуры в верховьях р.Чепцы (более 10 случаев). Таким образом, в целом на памятниках Верхнего Прикамья было найдено более 50 поясов неволинского типа. Они найдены и на р.Вычегде (Тохтинское поселение, Усогорск III) и в большеземельской тундре (жертвенное место Хэйбидя-Пэдар). В Сибири выявлены находки такого рода в Могильницком могильнике и у Архиерейской Заимки близ Томска, а также на Барсовой горе I и Сайгатино на Средней Оби.

Значительное скопление поясов неволинского типа зафиксировано на финском побережье Балтийского моря, где на нескольких памятниках (Каавонтенкя, Питкясмяки и др.) обнаружено 19 поясов. Аналогичный пояс обнаружен в королевском кургане в Уппсале в Швеции³. Находки поясов в Скандинавии в составе уже не женских, как в Прикамье, а мужских могил доказывают высокую престижную ценность этих предметов⁴. Здесь они стоили дорого не только потому, что были оригинальны и красивы, но и потому, что были привезены издалека. Пояса этого типа датируются в Финляндии тем же временем, что и в Прикамье, около 700 г. н.э.⁵. Очевидно, что столь значительное число неволинских поясов в Скандинавии могло появиться только в результате появления там пермских купцов – выходцев из Прикамья со своим товаром. С этих позиций получает объяснение и наличие в финском языке специального слова для обозначения коробейников, бродячих торговцев – «permi»⁶. Путь, по которому пермяне путешествовали в Прибалтику, косвенно обозначен находками неволинских поясов в низовьях р.Оки (Хотимль и Муром). Вероятно, движение шло по Каме, Волге, Мологе, Мсте, Волхову или другим рекам, достигая Ладожского озера, а затем Финского залива⁷.

В последние годы значительный куст находок деталей неволинских поясов выявлен в Молого-Шекснинском междуречье. Здесь в комплексе нескольких памятников «Черный ручей» на р.Андоге (бассейн р.Шексны) обнаружено более 80 деталей не менее чем от 5 неволинских поясов⁸, что еще раз подтверждает существование интенсивно функционирующего в VIII в. торгового направления р.Сылва – Прибалтика. Неволинская гарнитура обнаружена не только

на двух могильниках, но и на поселении. Интересно, что среди глиняной посуды, типичной для белозерской веси, обнаружен и небольшой комплекс камской посуды. А.В. Кудряшов считает, что здесь присутствовали и сами носители неволинской материальной культуры – древние пермяне, осуществлявшие торговые операции между Прикамьем и Прибалтикой⁹.

Вероятно, пермские торговцы принесли в Скандинавию в VIII-IX вв. некоторые типы восточных бус, которые известны в Восточной Европе, но отсутствуют в Западной. Среди этих типов – бусы, выполненные в технике миллефиори («тысяча цветов») с желто-красным глазком и темно- или светло-зелеными лучами; круглые бусы, сделанные из палочки с последующим проквашиванием фиолетового или синего цвета; сердцевидные сферические бусы, а также цилиндрические бусы с выступающими сине-белыми глазками. Картографирование разных типов восточных бус позволило Ю. Каллмеру выделить 26 районов их распространения, обозначить в них характернейшие наборы, что подтвердило наличие целой серии восточных бус, которые были хорошо известны на Ближнем Востоке, Кавказе, на Волге, на Каме и в странах Скандинавии. Отсутствие их в странах Западной Европы убедительно указывало на их поступление через Восточную Европу¹⁰.

Приток этих типов восточных бус, как и неволинских поясов, в Скандинавию связан, по мнению Ю. Каллмера, также с организацией торговли на дальние расстояния по лесной зоне Восточной Европы группами торговцев с Востока¹¹. Под Востоком в этом случае К. Мейландером понимались три области: район Смоленска (Гнездово), Приладожье и Ярославское Поволжье¹². Наиболее предпочтительным, с его точки зрения, было Ярославское Поволжье. Ю. Каллмер выдвигал в качестве источника два других района – Волго-Окское междуречье и Камский бассейн¹³. Судя по локализации не только восточных бус, но и неволинских поясов, по-видимому, все-таки одними из первых торговцев со Скандинавией в конце VII-VIII – начале IX в. были пермяне с берегов Камы. Вероятно, они освоили в это время Волго-Балтийский торговый путь, который в конце VIII-IX в. превратился в полноводную трансевропейскую магистраль, снабжавшую Скандинавию восточным серебром.

Связи народов Прикамья с населением лесной зоны Восточной Европы продолжали развиваться и позже, о чем косвенно свидетельствует распространение у финно-угров лесной полосы Европы многочисленных металлических украшений, имеющих, скорее всего, пермское происхождение – коньковых, а также полых пти-

цевидных шумящих подвесок, кресал с бронзовыми рукоятками, гривен «глазовского типа», характерных культовых предметов – всадница или всадник на змее. Исследование Н.А. Макарова показало, что некоторые прикамские изделия в частности лунничные височные подвески, появившиеся на территории Северной Руси (Приладожье) в первой половине XI в. были скопированы местными мастерами и послужили основой для новых вариантов подобных украшений¹⁴. Распространение этих вещей на запад из прикамского круга подтверждается и находками характерной камской посуды в Белозерье, Приладожье, Северной Двине, Верхнем и Среднем Поволжье, что объясняется исследователями торговыми и культурными контактами, а также внедрением небольших групп пермян в родственную финскую среду¹⁵.

Импорт из Средней Азии (Согд, Хорезм), Византии и Сасанидского Ирана также свидетельствует о хорошо организованной торговле с этими областями, в результате которой в Прикамье поступали крупные партии дорогих товаров¹⁶.

В исторической литературе имеются сведения о стоимости тех или иных товаров в средние века. В Средней Азии (Согде), по данным Самаркандского договора 712 г. и мугским документам первой четверти VIII в., цены были следующие: раб – 200 драхм (драхма – 3,1 г серебра), кусок ткани большой – 100 драхм, малый – 60, отрез шелка – 28 драхм; корова, откормленная на убой, – 11 драхм, пара быков – 12 драхм, один яхонт – 60 драхм, панцирь с рубашкой – 12 драхм, кафши (род обуви) – 1-2 драхмы¹⁷. По данным Й. Херрманна, в XI в. в прибалтийских округах раб стоил 200-300 г серебра, меч или стремя – 125 г серебра, копые – 50 г, шпоры – 20 г, узда – 10 г, уздечная пряжка – 5 г, нож – 3 г серебра или один дирхем. Одна стеклянная бусина равнялась 3 г серебра или шкурке одной куницы¹⁸. Аналогичные цены называет и Ибн Фадлан: на Руси за 1 дирхем можно было купить одну зеленую стеклянную бусину¹⁹. Во всех средневековых могильниках Прикамья бусы – одна из массовых находок. По данным Е.В. Голдиной, в 226 могилах неволинской культуры собрано 4309 бусин²⁰, каждая из которых стоила как минимум шкурку одной куницы. Поскольку все бусы привозные, эти цифры красноречиво говорят о масштабах торговли населения неволинской культуры в средние века.

Таким образом, археологические материалы убедительно свидетельствуют, что Прикамье представляло собой такой район лесной зоны Восточной Европы, где волею исторических обстоятельств население давно освоило торговые операции и располагало большим количеством

престижных ценностей (бусы, украшения, оружие, серебряные сосуды, монеты), которые наряду с продукцией собственных мастеров, мехами, воском, медом, невольниками могли служить предметом торговли.

Появление столь значительного прибавочного продукта в виде престижных ценностей убедительно свидетельствует о существовании социальных групп, одна из которых организует, а другая – осуществляет эту многоступенчатую торговлю. Скорее всего, роль первой брала на себя общинная верхушка, которая, обладая результатами торговли, активно создавала и систему перераспределения общественного продукта.

Процесс выделения общинной верхушки имеет глубокие исторические корни. Уже для раннего железного века институт вождизма хорошо документирован. За полтора тысячелетия эта система все более совершенствовалась. Возникнув первоначально на плутократической основе, когда постепенно приобретали власть люди, занимавшиеся перераспределением общественного продукта и обладавшие определенными личными достоинствами, уже в раннем железном веке верховная власть укреплялась за счет исполнения ею организационно-хозяйственных, военных и культовых функций.

Торговля действовала как «катализатор» формирования надобщинной системы перераспределения прибавочного продукта. Вместе с тем торговля была мощным фактором создания имущественного класса, особенно после IX в. в условиях постоянного контакта с уже сформировавшимися классовыми обществами – Волжской Болгарией и Русским государством. Поскольку торговля преумножала прибавочный продукт, общинная власть стремилась к монополизации и контролю над ней. Именно верхушка поощряла образование особых профессиональных групп людей, занимающихся торговлей, и старалась контролировать их деятельность. Эти группы участвовали в перераспределении прибавочного продукта и также были фактором, способствующим разложению первобытнообщинных отношений²¹.

Поскольку для многих захоронений Неволинского могильника известны определения пола и возраста погребенных, разработана датировка отдельных комплексов и хронология развития памятника в целом, то стал возможен детальный анализ социальной структуры неволинского общества по материалам могильника²². Погребения были проанализированы с формальной стороны по 100 признакам погребального обряда и сопровождающего инвентаря в соответствии с датировкой, полом, возрастом умерших. В результате выявились маркирующие катего-

рии и признаки, обозначилась многоуровневая социальная структура населения, в которой отразилась половозрастная, имущественная, профессионально-ранговая дифференциация общества. По С.П. Ковтун²³, социальная структура населения неволинской культуры четырехчастная: знать, зажиточный слой (8,0%); рядовые двух вариантов: среднего имущественного достатка (31,7%) и малоимущие (56,4%), а также неимущие (безинвентарные) (3,9%). В среде рядовых общинников среднего достатка обособились еще 2 группы, а среди малоимущего населения – три, границы между которыми были расплывчаты, нечетки, что, возможно, определялось возрастными и семейно-брачными факторами. Отмечена тенденция более четкой структуризации социальных слоев к концу неволинской культуры. Социальная дифференциация определялась не тем, что одни владели средствами производства, а другие нет, а тем, что ими обладали все, но в разной степени. Первым видом ранговой стратификации была военная. Положение именно в военной иерархии определяло имущественный статус индивида. В целом древнее общество Верхнего Прикамья второй половины I тыс. н.э. стояло на пороге разложения первобытных отношений и образования ранних классов при развитых патриархальных отношениях.

Институт вождизма в Прикамье достоверно зафиксирован археологически для раннего железного века. Людские объединения, конечно, рождали и формировали лидеров, которым был присущ организаторский талант, умение убеждать людей и вести за собой. От их удачливости и разума зависели не только благополучие, но и сама жизнь коллектива. В раннем железном веке в Прикамье (ананьинская историко-культурная общность) появились материальные свидетельства существования вождизма – атрибуты верховной власти: секиры, стелы над могилами вождей, сопровождение их уникальным оружием и особыми украшениями²⁴.

В условиях постоянной военной опасности вожди приобретали все больший вес в обществе. В случае угрозы в качестве военной силы выступали все мужчины коллектива, но постепенно из них выделялись наиболее сильные и храбрые, составившие военную дружину вождей. Возникла своеобразная организация общества, получившая название «военная демократия». Это была еще демократия, так как в обсуждении наиболее важных вопросов принимали участие все члены общины (мужчины). Она еще предполагала некое равенство, так как все члены военного похода имели равное право на свою долю добычи. Но фактического равенства уже не было: военный предводитель и его приближен-

ные имели право на лучшую долю добычи, и никто им в этом не мог препятствовать. Грабительские войны, возникнув как следствие накопления материальных ценностей, сыграли роль стимулятора для развития частной собственности и института государства.

Многочисленны свидетельства беспокойной жизни Сылвенского края в изучаемое время: выпадение кладов, периодические нападения на поселки – следы пожарищ на городище Верх-Сая I, Бартымский I могильник, образовавшийся в результате одновременной гибели 60 человек, и т.д. Материалы Неволинского могильника также содержат признаки существования военной верхушки. С институтом вождей в неволинском обществе может быть связан ряд 1, где похоронены три состоятельных мужчины (№177, 188, 202) и одна богатая женщина (№196). Обращает на себя внимание и мужская могила 92, расположенная в центре памятника, вне рядов, изолированно. Умершего сопровождали роскошно декорированный пояс с импортными накладками, нож, браслет, наконечник стрелы, точило, уздечка с удилами и 2 железные пряжки. Рядом с этим захоронением, также вне рядов, обнаружена могила женщины (№140), в которой зафиксированы глиняный сосуд, височные подвески, ожерелье из 42 бусин, две подвески, роскошный поясной набор неволинского типа с пронизками и рожком, нож и удила.

Имея в распоряжении соответствующие ресурсы – оружие лучшего качества: палаши и сабли (Неволино – 11 случаев), боевые топоры (3 экз.), луки с набором стрел (Неволино – 40 могил), копьё (Неволино – 8 случаев), верховых лошадей с соответствующей экипировкой – уздечками, седлами со стременами (60 погребений) и т.д., военная профессиональная верхушка могла удерживать в подчинении рядовое население. Подобная тенденция выделения военной верхушки зафиксирована И.Р. Ахмедовым на Никитинском могильнике V – начала VII вв., принадлежавшем окским финнам²⁵.

Половозрастная характеристика индивидуумов в древнем обществе имела огромное значение. Как известно, первое разделение труда было обусловлено именно принадлежностью к разным половым структурам. В связи с этим определенный интерес вызывают особенности и погребального обряда, и состава инвентаря Неволинского могильника с точки зрения гендера. В раннем железном веке, в частности в саргатской культуре, чистота гендерных признаков оценивается исследователями невысоко. По наблюдениям Н.А. Бересневой²⁶, лишь 46,0% погребенных сопровождается стереотипными наборами в соответствии со своим биологическим полом,

остальные имеют размытые характеристики. По материалам Неволинского могильника выяснилось, что существовало довольно четкое деление инвентаря для женщин и для мужчин. Для женщин характерны височные подвески (54 могилы), пряслица (19 могил женских и 2 мужских). Бусы – также принадлежность женских захоронений. Они обнаружены в 31 случае у женщин (64,6%), в 3 – у мужчин (6,25%), столько же у детей и в 11 захоронениях пол не определен (22,9%)²⁷. На Верх-Саинском могильнике неволинской культуры бусы выявлены в 103 женских могилах (71,5%), в 4 мужских (2,8%), в 10 детских (6,9%) и в 27 (18,8%) случаях пол не определен (там же, табл.45).

Преимущественно для женщин характерны подвески различных вариантов. Из 50 могил с находками этой категории лишь 4 принадлежат мужчинам, остальные – женские. Браслеты также чаще встречались в женских могилах. Из 21 могилы с браслетами лишь 5 мужских. Перстни – атрибут главным образом женского образа. Из 26 могил с перстнями 3 – мужских, 3 – у которых пол умерших не определен, остальные – женские. Подобное распределение типично и для пронизок. Из 52 случаев большинство захоронений с этими украшениями – женские, 5 – мужских, 1 детское (девочка) и 2 – не определены. Из 21 могилы, где зафиксированы монеты, 16 – женские, 4 – мужские и 1 – детская (девочка). Значительно чаще в погребениях женщин (55 случаев из 94) ставили глиняные сосуды с напутственной пищей. В мужских могилах они найдены в 15 случаях (16,0%), в детских – 3 (3,2%) и в не определенных – 21 (22,3%).

Имеются также категории инвентаря, которые зафиксированы почти в равной доле как у мужчин, так и у женщин. Таковы пояса, а также ножи и кинжалы. Из 88 погребений с поясами женщинам принадлежали 35 (39,8%), мужчинам – 40 (45,5%), детям – 2 (2,3%) и пол не определен – 11 (12,4%). Более чем в 1/2 могил (135) обнаружены ножи и кинжалы. Они были популярны и у женщин (52 захоронения, 38,5%), и у мужчин (51 – 37,8%). В могиле ребенка нож обнаружен в единственном случае (0,7%), в захоронениях, где пол умерших не определен, – 31 раз (23,0%).

В мужских погребениях представлены практически все виды известного в то время наступательного оружия. Только мужчин сопровождали палаши и сабли (11 случаев); универсальные и боевые топоры (21 могила); железные наконечники копий (8 случаев); железные и костяные наконечники стрел (40 могил); колчаные крючки (12 случаев); кресала и кремни (11 случаев). Из этого списка, возможно, к разряду недоразумений следует отнести находки в жен-

ских могилах наконечника стрелы (погр.20) и кресала – в захоронении 113.

Преимущественно мужскими следует считать точила. Они найдены в 14 мужских, 2 женских и 1 детском захоронении. Так же надо оценивать и находки костей животных. В 10 случаях они зафиксированы в могилах мужчин, в 4 – женщин, в 1 – ребенка и в 3 – пол погребенного не определен.

Остатки конской упряжи обнаружены в 60 погребениях, чаще – мужчин (30 случаев, 50,0%), реже – женщин (19 случаев, 31,7%). Однако в женских захоронениях встречались лишь детали уздечек – удила и пряжки (18 случаев), в мужских же наряду с уздечками (27 случаев) найдены и остатки седел – стремяна (17 случаев). Лишь в одной женской могиле (погр.22) обнаружено стремя. Очевидно, уздечки клали дамам в могилы охотно, а вот седла, возможно, женщины использовали иного типа, с кожаными или деревянными стремянами. Таким образом, по сопровождающему инвентарю половая идентификация погребенных не только возможна, но и достоверна.

Структуру семьи средневекового Прикамья можно в какой-то мере реконструировать на материалах Бартымского I могильника²⁸. Он представлял собой единовременное захоронение людей, погибших в результате военного нападения. На могильнике исследовано 19 могил, содержащих 60 костяков. Групповых захоронений большинство – 13. Очевидно, стремление похоронить в одной могиле нескольких людей разного пола и возраста следует объяснить какими-то формами их близости, в данном случае, скорее всего, кровным родством. Коллективные захоронения по составу можно разделить на четыре группы: I – мужчина, женщины, дети; II – женщины и дети; III – мужчины и дети; IV – только взрослые мужчины и только взрослые женщины. На Бартымском могильнике захоронено 30 взрослых людей. Наиболее многочисленна группа людей в расцвете сил – 20-45 лет (26 человек, 43,3%). Кроме того, выявлены два подростка (погр.1, 16) и двое пожилых (6,25%). Соотношение мужских и женских захоронений примерно одинаково: 15 мужских и 15 женских (3 – не определены). Все захоронения взрослых людей коллективные за исключением одного мужчины 25-40 лет (погр.15), могила которого расположена к тому же на значительном удалении (около 7 м к западу) от основного ряда. Обособленность этого умершего от других, отсутствие сопровождающего инвентаря указывают на его особое положение в коллективе. Возможно, это «чужак», не имеющий каких-либо родственных связей с другими погребенными. Почти половина умерших –

дети (27 костяков, 45,1%), из них 2 новорожденных, 3 – до двух лет и 22 – от двух до девяти лет.

Вряд ли можно считать случайным систематическое сочетание в семейных могилах Бартымского некрополя захоронений мужчины, женщины и детей. Материалы Бартымского I могильника впервые дали четкие свидетельства существования прочных, устойчивых кровнородственных связей в пределах малой семьи для финно-угров Приуралья эпохи средневековья.

Некоторые данные о составе семьи дает и Неволинский могильник. Как выяснилось, на нем можно выделить примерно 32 ряда захоронений, включающих от 3-х (ряды 3, 6, 8, 9 и др.), 4-х (ряды 4, 5, 7, 13, 18, и др.) и более могил. Больше всего погребений содержат 1-й ряд (14), 30-й (13 могил), 23-й и 25-й (по 15 могил). Судя по количеству погребений в рядах и их датировке, ряды оставлены небольшими коллективами и накапливались на протяжении 50 лет (ряд 1) или даже целого столетия (ряды 23, 25 и 30). Скорее всего, ряды принадлежат малой семье.

Судя по количеству погребенных, численность малой семьи в Бартыме составляла 5-10 человек. Именно в таких размерах определяют малые семьи этнографы и историки. Так, В.Н. Белицер сообщала, что малая семья у коми состояла из 6-10 человек²⁹. Малая семья у обских угров – брачная пара с детьми, часто с родителями, братьями и сестрами, равнялась 5-10 человек³⁰. Удмуртские семьи в конце 17 в. состояли в среднем из 10 человек обоего пола и включали в себя домохозяина, его жену, детей, братьев, сыновей, племянников, внуков, пасынков³¹.

Самостоятельность малой семьи подчеркивалась фактом собственного домовладения. Вероятно, у каждой малой семьи Бартымского поселка был свой отдельный дом. На селище, поблизости от исследованных захоронений, изучены пока три квадратных наземных слабо углубленных срубных жилища площадью около 16 кв.м. Такие жилые сооружения – не исключение для Кунгурской лесостепи. Подобные жилища известны на городищах Лобач (площадь около 20 кв. м) и Подкаменное (28 кв. м), Елкинское (11-20 кв. м)³². Исходя из тех норм, которые определены для финно-угорских жилищ Приуралья эпохи железа³³ и составляют приблизительно 2-3 кв. м на человека, в каждом жилище мог обитать коллектив в 5-10 человек.

Таким образом, расчеты численности малой семьи, проведенные на основании площади жилищ, как мы видим, соответствуют ее численности, восстановленной по погребальным остаткам. Именно необычность условий, в которых производились бартымские захоронения (массовая одновременная смерть значительного коли-

чества людей), позволила выявить степень общественной значимости кровного родства в раннем средневековье Приуралья. В обычных условиях, когда захоронения производились индивидуально на больших могильниках (около 100 и более захоронений), при плохой сохранности антропологического материала практически невозможно четко зафиксировать отношения погребенных друг к другу. Бартымский I могильник в этом отношении представляет собой совершенно уникальное явление, на основании материалов которого можно определенно говорить, что малая, индивидуальная семья превратилась в устойчивый коллектив и являлась одной из основных социальных ячеек финно-угорского общества Приуралья в эпоху средневековья.

Предположительно можно выяснить численность коллектива, оставившего Неволинский могильник. На этом памятнике раскопано 264 погребения с 267 костяками. Учитывая, что часть погребений разрушена при размыве берега или распахана, общее число погребенных было около 300. Время захоронений на могильнике – около 170 лет³⁴. Принимая среднюю смертность в первобытную эпоху за 3-4%, численность коллектива, использовавшего могильник, определя-

ется: $\frac{\text{кол} - \text{во умерших}}{\text{кол} - \text{во лет}} : \% \text{ смертности}$, т.е.

$\frac{300}{170} : (0,03 - 0,04) = 44 - 58 \text{ человек}$. Захоро-

нения детей на могильнике встречаются единично, а смертность их в древности была высокой (около 50%), поэтому полученные результаты следует увеличить примерно в два раза. Численность коллектива, совершавшего захоронения на Неволинском могильнике, составляла 80-100 человек.

Эти результаты близки расчетам по могильникам III-V вв. мазунинского типа³⁵. Наименьший коллектив одновременно живущих и оставивших Чепанихинский могильник состоял приблизительно из 39 человек и 4-х малых семей, а наибольший – из 92 человек и 10-16 семей (Старокабановский). Интервал численности других коллективов – 42 человека и 4-7 семей (Сайгатка), 50 человек и 5-7 семей (Мазунино), 54 человека и 5-7 семей (Покровка), 60 человек и 7-11 семей (Нивский), 62 человека и 7-10 семей (Ангасьяк и Ижевск).

Подводя итоги, следует констатировать, что неволинское общество находилось на последней, предклассовой стадии развития. Успехи производящего хозяйства, высокая плотность населения способствовали созданию в обществе значитель-

ного прибавочного продукта. Этому же содействовал высокий уровень металлообрабатывающего ремесла. Выделились ремесленные центры. Выросло производство уникальных изделий местных мастеров, которые расходились не только по близлежащим территориям, но и отдаленным областям. Возникла особая группа торговцев, поставляющая продукцию пермских изделий на дальние расстояния – в Финляндию и Швецию. К населению неволинской культуры систематически поступал через Среднюю Азию (Джетыясар, Согд, Хорезм) импорт из Сасанидского Ирана и Византии. В Прикамье сформировалась общинная верхушка. Удалось выявить по меньшей мере четыре слоя общинников: знать, рядовые среднего имущественного достатка, малоимущие и неимущие. Зафиксированы институт вождизма, особенности гендерной принадлежности умерших, хозяйственное обособление малой, моногамной семьи, численность общины и малых семей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Генинг В.Ф.* Опутятское городище – металлургический центр харинского времени в Прикамье (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.) // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск, 1980. С.92-135.
- ² *Голдина Е.В., Голдина Р.Д.* «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.) // *Голдина Е.В.* Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX в.). Ижевск, 2010. С.178.
- ³ *Мейландер Карл Ф.* Биармы // Финно-угры и славяне. Л., 1979; *Callmer J.* The beginning of the Easteuropean trade connections of Scandinavia and the Baltic Region in the eighth and ninth centuries A.D. // Internationale Konferenz uber das Fruhmittelalter. Szekszard, 1989. С.22.
- ⁴ *Carpelan C.* Short review of prehistoric and early medieval connections between the Kama region and Finland in the light of archaeological evidence // Пути средневековых торговцев. Пермь, 2004. С.22-23.
- ⁵ *Мейландер К.* Указ. соч. С.36.
- ⁶ *Мейландер К.* Указ. соч. С.39.
- ⁷ *Дубов И.В.* Великий Волжский путь. Л., 1989.
- ⁸ *Кудряшов А.В.* Неволинские древности в бассейне р.Шексны // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т.II. М., 2008. С.240-242.
- ⁹ Там же. С.241.
- ¹⁰ *Callmer J.* Beads as a criterion of shifting trade and exchange connections // Studien zur Sachsenforschung, №7. Hildesheim, 1991. С.27-29. Рис.4.
- ¹¹ *Callmer J.* The beginning of the Easteuropean trade connections of Scandinavia and the Baltic Region in the eighth and ninth centuries A.D. // Internationale Konferenz uber das Fruhmittelalter. Szekszard, 1989. С.25.
- ¹² *Мейландер К.Ф.* Указ. соч. С.39-40.
- ¹³ *Callmer J.* The beginning of the Easteuropean trade connections of Scandinavia and the Baltic Region in the eighth and ninth centuries A.D. // Internationale Konferenz uber das Fruhmittelalter. Szekszard, 1989. С.34-35.
- ¹⁴ *Макаров Н.А.* О некоторых пермско-финских элементах в культуре Северной Руси // Новые исследования

- по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989. С.60.
- ¹⁵ Макаров Н.А. Камско-вычегодская керамика на Шексне // Средневековые памятники бассейна р.Чепцы. Ижевск, 1982; Леонтьев А.Е. Поповское городище (результаты раскопок 1980-1984 гг.) // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. М., 1989; Рябинин Е.А. Могильник и селище у д.Попово на р.Унже // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. М., 1989.
- ¹⁶ Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс памятников в эпоху средневековья в Сылвенском поречье. Ижевск-Пермь, 2011. С.128-143.
- ¹⁷ Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963. С.53.
- ¹⁸ Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986. С.80-82.
- ¹⁹ Путешествие Ахмеда Ибн Фадлана на реку Итиль и принятие в Булгарии ислама. М., 1992. С.44.
- ²⁰ Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV-IX в.). Ижевск, 2010. С.8.
- ²¹ История первобытного общества. Эпоха классообразования. М., 1988. С.216-218.
- ²² Ковтун С.П. Реконструкция социальной структуры населения Верхнего Прикамья второй половины I тыс. н.э. (по материалам могильников). Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2006.
- ²³ Там же. С.239-260.
- ²⁴ Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. №30. 1952. С.150.
- ²⁵ Ахмедов И.Р. К выявлению индикаторов социальной стратификации в культуре рязано-окских финнов в эпоху великого переселения народов по материалам могильника у с.Никитино // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Ч.1. Тула, 2010. С.101-130.
- ²⁶ Береснева Н.А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург, 2011. С.92-98.
- ²⁷ Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV-IX в.). Ижевск, 2010. Табл.46.
- ²⁸ Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Указ.соч. С.94-199.
- ²⁹ Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX - начало XX в. // ТИЭ. Нов. сер. М., 1958. Т.45. С.290, 313.
- ³⁰ Соколова З.П. Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов северной Сибири. М., 1970. С.138-139.
- ³¹ Луптов П.Н. Северные удмурты в конце XVII века: Опыт изучения переписной книги 1678 г. // Труды Вятского НИИ краеведения. Т.7. Вып.1. Вятка, 1934. С.5.
- ³² Пастушенко И.Ю., Макаров Л.Д. Елкинское (Городищенское) городище – памятник неволинской культуры в нижнем течении р.Сылвы // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып.2. Пермь, 2008. С.63-75.
- ³³ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч.1. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Вып.10. Ижевск-Свердловск, 1970. С.117.
- ³⁴ Там же. С.116.
- ³⁵ Останина Т.И. Население среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск, 1997. С.111-142.

DEVICE FOR PUBLIC POPULATION OF NEVOLINSKAYA CULTURE

© 2012 R.D. Goldina

Udmurt State University, Izhevsk

The paper deals with the problem of social structure of the Finno-Ugric population in the Pre-Ural region in the period from the end of the 4th till the beginning of the 9th century AD (the Nevolinskaya Culture). The successes in producing economy, the high population density and high levels of metal craft conduced to the creation of a significant surplus. A special group of traders supplied goods to Fennoscandia. Different products were systematically entranced in the Kama region from Central Asia, Byzantium and Sassanid Iran. We can draw conclusions about the existence of the cult of the leader and the economic isolation of a nuclear family in the Finno-Ugric society during the studied period.

Key words: social system, Finno-Ugric population of Pre-Ural, early Middle Ages, trade relations, social stratification, cult of the leader, nuclear family.